

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39

Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014

© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджиты («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпиграфического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

Е.П. Островская

Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН¹

Статья посвящена истории коллекционирования и составу буддийских рукописей, хранящихся в индийском фонде ИВР РАН. Особое внимание уделено письменным памятникам буддизма на санскрите в составе этой коллекции. Установлено историко-культурное и источниковедческое значение буддийской части индийского фонда ИВР РАН на основе исследования структуры письменного наследия северного буддизма древней и раннесредневековой Индии. Рукописи охарактеризованы в аспекте их содержания и места в составе буддийского канонического корпуса и постканонической литературы.

Ключевые слова: буддизм, буддийские рукописи, Индия, индийский фонд ИВР РАН.

Азиатский музей, созданный в 1818 г., явился первым в мире специализированным востоковедным учреждением, предназначенным для хранения и изучения восточных манускриптов и старопечатных изданий. До того времени индийские рукописи, подобно прочим восточным манускриптам, коллекционирование которых началось в XVIII в., накапливались и хранились в Кунсткамере, Библиотеке и Конференц-архиве Академии наук. В 1818 г. все находившиеся в этих хранилищах восточные манускрипты были переданы Азиатскому музею, поскольку основное направление деятельности данного учреждения состояло в их научной обработке, исследовании и подготовке письменных памятников к изданию.

Первоначальная классификация полученных Азиатским музеем материалов осуществлялась по признаку регионально-географической историко-культурной принадлежности. Наличный массив восточных манускриптов был разделён на ряд собраний, характеризующих в той или иной мере письменное наследие отдельных историко-культурных регионов. В состав Индийского фонда вошли рукописи, происходившие из Южной и Юго-Восточной Азии, то есть собственно из Индии, Непала, Бирмы (совр. Мьянма), Шри Ланки, Таиланда, а также с территории Малайско-индонезийского архипелага.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Буддийское историко-документальное наследие Южной и Юго-Восточной Азии в индийском фонде Института восточных рукописей РАН: состав и история коллекционирования». Проект № 13-01-00167.

Систематическое научное документирование восточных рукописных материалов, поступавших в учреждения Академии наук до основания Азиатского музея, установилось далеко не сразу. А поэтому проследить историю коллекционирования индийских рукописей в Кунсткамере, Библиотеке и Конференц-архиве до 1818 г. весьма затруднительно. Известно, однако, что наиболее ранние поступления начались в 1730-х гг. В их числе оказался немаловажный для изучения истории буддийской культуры палеографический памятник — таблица, которая содержит текст на диалекте мультани западноиндийского языка ленди. В дальнейшем этот памятник послужил значимым источником при анализе происхождения алфавита тибетского языка — одного из важнейших в истории распространения буддизма за пределами Индостана.

Следует подчеркнуть, что вплоть до образования Азиатского музея вопрос о целенаправленном поиске индийских, а тем более буддийских рукописей или о приобретении коллекций манускриптов не только не ставился в повестку дня, но и не осознавался в качестве научно значимой проблемы. Однако первые опыты приобретения индийских рукописей с научной целью всё же предпринимались: предтеча российской индианистики Г.С. Лебедев (1749—1817), дважды посетив Индию, в 1780-х и в 1790-х гг., добыл семь манускриптов.

Вопрос целенаправленного обогащения Индийского фонда Азиатского музея назрел в 1830-х гг., когда развитие отечественного востоковедения выделилось в приоритетное направление деятельности Академии наук и началась подготовка специалистов в области индианистики. В этой связи большие надежды возлагались на выпускника Дерптского (совр. Тартусского) университета Роберта Христиановича Ленца (1808—1836), младшего брата прославленного учёно-физика академика Э. Ленца. Пройдя обучение в Берлине, Р.Х. Ленц подготовил в 1833 г. первый каталог санскритских рукописей, хранившихся в Азиатском музее (Lenz, 1833, № 219—223.).

С научной биографией Р.Х. Ленца была связана и первая попытка руководства Академии наук основать в Азиатском музее буддологическое направление исследований. С целью выявления письменных памятников, характеризующих раннюю историю буддизма, Р.Х. Ленц был командирован в западную Европу в библиотеки и древлехранилища Лондона, Оксфорда и Парижа. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в тот период не только в российской, но и в западноевропейской науке ещё не существовало работ, раскрывающих историю становления буддизма на его родине, в Южной Азии, и процесс письменной фиксации буддийского канона.

Р.Х. Ленц обследовал собрания индийских рукописей Британского музея, Королевского Азиатского общества, библиотеки Ост-Индской компании, но так и не смог решить поставленную перед ним задачу. Однако неожиданный успех пришёл к нему в процессе ознакомления с коллекцией библиотеки Оксфордского университета: ученый обнаружил в её составе рукопись, озаглавленную «Лалитавистара-пурана». Анализируя находку, Р.Х. Ленц сумел установить,

что этот архаичный санскритский текст, содержащий целый ряд грамматических форм, которые характерны для пракритов — среднеиндийских языков, представляет собой одно из наиболее ранних произведений махаянского буддизма. «Лалитавистара-пурана» включает в себя наряду с махаянской интерпретацией основоположений буддийского учения жизнеописание его основателя Будды Шакьямуни.

Р.Х. Ленц установил, анализируя колофон, что манускрипт является непальским списком, выполненным в 1801 г. Учёный скопировал рукопись, прибегнув к латинской транслитерации, и озаглавил копию «Лалитавистара [буддха] пурана». Под этим названием она в 1836 г. вошла в состав Индийского фонда Азиатского музея, куда после смерти учёного Э. Ленц передал её вместе с десятком других выполненных учёным копий индийских манускриптов.

В последующий период, вплоть до 1855 г. собрание буддийских рукописей пополнялось лишь отдельными экземплярами, причём по большей части санскритскими произведениями. Очередная коллекция поступила только в 1855 г. Эмиссары Академии наук приобрели её у частного собирателя учёного-индолога Дж. Геберлина в Калькутте. Она состояла из 76 единиц.

Пополнение собрания осуществлялось не только благодаря закупкам, но и через бескорыстные пожертвования частных собирателей, стремившихся обогатить фонды Академии наук. Так, в 1871 г. Д. Райт передал в дар пять буддийских рукописей непальского происхождения на языке невари.

Значительно более крупные коллекции поступили в Азиатский музей в 1906 и в 1908 гг. В совокупности они дополнили собрание индийских рукописей на 180 единиц. В результате этих поступлений в составе собрания появились многие сочинения на санскрите, характеризующие различные отрасли знания в культуре древней и раннесредневековой Индии — лингвистику, математику, медицину, астрономию и астрологию.

Довольно значительная коллекция буддийских рукописей (24 единицы) на языках пали, сингальском, кхмерском и тайском, собранная русским учёным Н.И. Воробьевым, поступила в Азиатский музей в 1907 г.

Собрание индийских рукописей Азиатского музея обогащалось и за счёт передачи материалов из других научных учреждений России. Так, в 1917 г. из Музея антропологии и этнографии Академии наук поступила коллекция, состоящая из восьми санскритских рукописей. Её жемчужиной являлась рукопись грамматического компендиума «Восемь разделов [грамматических правил]» крупнейшего древнеиндийского лингвиста Панини (IV в. до н.э.), создателя формализованного способа описания санскрита.

Среди более поздних поступлений большую научную и художественную ценность представляет сиамская рукопись буддийского постканонического трактата на языке пали «Висуддхимагга» («Путь очищения»), составленного, согласно легенде, прославленным просветителем Буддагхошей (IV–V в. н.э.) на Шри Ланке. Это сочинение объединяет в себе пять комментариев к первому

разделу Палийского канона и представляет воззрения школы тхеравада, распространившейся позднее с территории Индостана в Юго-Восточную Азию. В текст «Пути очищения» инкорпорированы многие легенды, которые считаются буддийской редакцией сингальских и индийских фольклорных нарративов.

Научная каталогизация собрания индийских рукописей Азиатского музея как самостоятельная задача выдвинулась на первый план на рубеже XIX—XX вв., хотя работа над разрешением этой проблемы началась значительно раньше. С 1903 г. к этой работе приступил Н.Д. Миронов (1880—1936), знаток систем индийского письма и письменного наследия древней и раннесредневековой Индии. О том, как разворачивались планы каталогизации, он писал в нескольких строках, предваряющих Каталог индийских рукописей, вышедший в свет в серии «Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук»: «Чрезвычайные обстоятельства переживаемого времени» застопорили многолетнюю работу по определению и описанию всего собрания и довести её до конца в ближайшие годы едва ли возможно. Учитывая это, акад. К.Г. Залеман как руководитель Азиатского музея и редактор каталогов его собраний принял решение опубликовать описание важнейшей части индийского собрания рукописей на санскрите и пали (Мионов, 1914, с. VII).

Н.Д. Мионову не пришлось довести дело каталогизации индийского собрания до завершения. Он успел атрибутировать в первом приближении лишь ещё 20 рукописей неварского, сингальского, бирманского, кхмерского и тайского письма. Отметим, что в 1918 г. был опубликован параллельно подготовленный им Каталог индийских рукописей Публичной библиотеки (Мионов, 1918). Однако и это древлехранилище учёный не успел обследовать полностью².

В период 1920-х—1940-х гг. систематизацией и атрибутированием собрания индийских рукописей Азиатского музея никто не занимался. Так продолжалось вплоть до 1950 г., когда, ещё будучи студентом восточного факультета Ленинградского государственного университета, к решению этой проблемы приступил В.С. Воробьев-Десятовский. В тот год основная часть Института востоковедения АН СССР была переведена в столицу страны, а в Ленинграде осталось лишь единственное его подразделение — Сектор восточных рукописей, то есть то, что прежде именовалось Азиатским музеем. В 1951 г. В.С. Воробьев-Десятовский был зачислен в штат Сектора, где проработал вплоть до своей безвременной кончины.

Несмотря на чрезвычайно недолгий срок научной деятельности, В.С. Воробьев-Десятовский внёс поразительно обширный вклад в дело описания Индийского фонда. Талантливый культуролог, лингвист и полиглот, он заново систематизировал индийский фонд, ранее далеко не полностью обследованный Н.Д. Мионовым, первично отождествил ещё 102 единицы из не определённых до того рукописей, составил их список и охарактеризовал аспекты собрания индийских рукописей.

² В 1917 г. Н.Д. Мионов перебрался в Иркутск, откуда позднее отбыл в эмиграцию.

В.С. Воробьев-Десятовский отмечал, что в собрании индийских рукописей насчитывается 50 произведений философского содержания, к которым он причислял и брахманистские, и буддийские трактаты, и тексты в жанре упанишад. Однако в настоящее время, учитывая успехи индианистики и, в частности, историко-философских исследований в этой области, требуется заново определить целый ряд текстов — атрибутировать их школьную и жанровую принадлежность, пересмотреть прежние квалификации. Помимо производства этой работы практически невозможно классифицировать и адекватно оценить научную значимость этих материалов, установить их реальную численность в составе собрания. Кроме того, необходимо выявить степень уникальности данной части индийского фонда, сопоставив её номенклатуру с перечнями философских произведений, рукописи которых хранятся в зарубежных востоковедных центрах и музеях.

Буддийская часть собрания весьма разноязыка и разнописьменна, что наряду с содержательной сложностью материала затрудняет проблему исчерпывающего описания коллекции. До сих пор не составлен отдельный список буддийской коллекции в составе фонда индийских рукописей. Эта задача настоятельно требует своего разрешения, поскольку в настоящее время изучению религий и, в частности, буддийского письменного наследия придаётся большое значение во всем мире.

В собрании индийских рукописей Азиатского музея буддийская каноническая традиция характеризуется палийскими рукописями извлечений из Сутта-питаки и рядом ритуальных регламентов Винаи. Кроме того, довольно обильно представлены канонические джатаки нравоучительные рассказы о прошлых жизнях Будды Шакьямуни, а также рукопись «Дхаммапады» — сборника популярных религиозно-дидактических стихов, включённого в Сутта-питаку. Имеются и многочисленные извлечения из трактатов Абхидхаммы.

Собрание располагает и рукописями разнообразной буддийской постканонической литературы на санскрите и пали. Здесь прежде всего следует указать на трактат прославленного мыслителя Камалашилы (VIII в.) «Бхаванакрама» («Стадии созерцания»). Кроме санскритской рукописи этого трактата, хранящейся в Индийском фонде ИВР РАН, во всём мире имеются только два рукописных экземпляра этого произведения. Есть и рукописи буддийских трактатов по логике, в частности, «Ньяя-правеша» Дигнаги и «Ньяябинду-тика» Дхарматтары.

Географию продвижения буддизма в Юго-Восточную Азию характеризуют разнообразные в жанровом отношении рукописи на бирманском, тайском, кхмерском и других языках.

Безусловно заслуживает внимания рукопись самого раннего палийского неканонического сочинения «Милиндапаньха» («Вопросы [царя] Милинды»). Этот созданный предположительно в I в. до н.э. памятник отражает ранний опыт межкультурных контактов, ибо Милинда, как показали исследования, идентифицируется с греко-бактрийским царём Менандром. Произведение построено в форме диалога между Милиндой и буддийским мудрецом Нагасеной.

Необходимо отметить не только богатство буддийских рукописей в индийском фонде, но и крайне недостаточную его изученность с позиции музееведения. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, специфичностью собрания, научная обработка которого требует специальных востоковедных знаний — и языковых, и культурологических. Мультиспециалистов такого уровня во все времена существования Азиатского музея и учреждений, возникших на его основе, было немного, и нехватка кадров тормозила дело.

Во-вторых, в советский период, особенно в 1930–40-е гг., изучение буддийского письменного наследия религиозно-философского содержания практически заглохло. Ленинградская (Санкт-Петербургская) буддологическая школа, созданная акад. Ф.И. Щербатским (1866–1942), была почти полностью уничтожена в годы репрессий, а письменное наследие буддизма квалифицировалось не иначе как «творчество индийских попов».

Лишь с возрождением научной школы Ф.И. Щербатского в 1980-х–1990-х гг. открылась перспектива изучения буддийских манускриптов, хранящихся в индийском фонде ИВР РАН.

Структура письменного наследия северного буддизма древней и ранне-средневековой Индии. Общая классификация буддийского письменного наследия, созданного на Индийском субконтиненте в эпоху древности и раннего средневековья, предусматривает дихотомизацию всей совокупности письменных памятников по принципу принадлежности к канонической и постканонической традициям. В научной историографии буддизма понятие «каноническая традиция» используется в двух аспектах: для описания процесса кодификации текстов канона и для анализа раннего этапа историко-культурной динамики развития буддийской идеологической системы. На современном уровне изученности содержание понятия «буддийский канон» эксплицируется как теоретический конструкт, характеризующий собой наличие свода кодифицированных текстов в истории каждой из школ раннего буддизма. Как известно, наука располагает в полном объёме лишь палийскими текстами канона школы *тхеравада*, функционировавшей на юге Индостана. Этот трёхчастный свод, именуемый *Типитака* («Три собрания»), объединяет в своём корпусе проповеди (раздел *Сутта-питака*) и наставления (раздел *Виная-питака*), приписываемые авторству основателя вероучения, и семь трактатов (раздел *Абхидхарма-питака*), составленные предположительно его прямыми учениками и авторитетными последователями.

В последней четверти XIX в., в период формирования буддологической источниковедческой проблематики в классической индианистике, Типитака отождествлялась как «буддийский канон», содержащий изложение религиозных воззрений Будды Шакьямуни в их аутентичном виде. Соответственно южная ветвь буддизма древней Индии, представленная единственной школой *тхеравада*, признавалась приоритетным объектом изучения первоначального этапа истории буддизма. При этом значительный массив буддийской литературы на санскрите, созданной на севере и северо-западе Индийского субконтинента,

выпадал из исследовательского внимания. Причины такого селективного подхода в настоящее время достаточно хорошо исследованы (Воробьева-Десятовская, 2012). Во-первых, санскритские оригиналы канонических текстов ранних школ северного буддизма не сохранились на территории Индостана. Вплоть до 1900-х гг. историческое существование северной ветви буддийской канонической традиции рассматривалось в западноевропейской индологии только в качестве гипотезы, высказанной выдающимся российским индианистом И.П. Минаевым (1840–1890) на основе сопоставления сюжетов палийской Винаи и рельефов Бхархутской ступы. Данная гипотеза обрела своё подтверждение благодаря находкам санскритских рукописей в Восточном Туркестане — субрегионе Центральной Азии, изучавшемся в ходе экспедиционных исследований российских, западноевропейских и японских учёных первой трети XX в.

Сравнительное изучение канона школы *тхеравада*, китайских, тибетских переводов и оригинальных фрагментов санскритских канонических текстов школ северного буддизма — древней *сарвастивады*, *муласарвастивады* и других показало, что за незначительными различиями состав Сутра-питаки и Винаи идентичен палийским кодифицированным источникам. Необходимо однако отметить, что термин *хинаяна* использовался в колофонах китайских и тибетских переводов только применительно к нескольким палийским каноническим произведениям, включённым в состав китайской Трипитаки и тибетского Тенгьюра. Санскритские канонические тексты атрибутировались в китайском и тибетском сводах как *Шравакаяна* «Колесница слушателей», то есть прямых учеников Будды, положивших начало традиции обретения нирваны путём монашеских религиозных практик. «Шравакаяна» являлась самоназванием этой традиции, а определение «Хинаяна», как известно, было махаянским изобретением — итогом критики «малого пути», требовавшего от своих последователей обязательного принятия монашеских обетов.

Махаяна интерпретировалась в науке долгое время как типологический аналог христианской реформации. Но рукописи, доставленные С.Ф. Ольденбургом из его Первой и Второй Туркестанских экспедиций, изученные во второй половине XX в., показали, что процесс письменной фиксации махаянских сутр начался в конце I в. до н.э., то есть с разрывом в полтора столетия от начала кодификации Трипитаки. А это в свою очередь свидетельствовало, что школы Шравакаяна и Махаяна как направление буддийской религиозной мысли развивались в культуре древней Индии параллельно. Но Махаяна не создала собственного канона. Признавая Винаю как компендиум религиозно-дисциплинарных наставлений, идеологи Махаяны лишь значительно дополнили репертуар религиозных практик, связанных с осуществлением обетов бодхисаттвы — «существа, [стремящегося] к просветлению». В письменном наследии постканонической традиции эти махаянские новации закрепились в своде текстов класса Праджняпарамиты и комментаторской литературы к ним, сложившейся в раннесредневековой Индии.

Особое внимание в характеристике философского письменного наследия северного буддизма необходимо уделить его истокам — трактатам канонической Абхидхармы.

В современном историко-философском знании вопрос о статусе буддийской мыслительной традиции, казалось бы, утратил свою былую дискуссионность. Буддийская философия благодаря исследованиям западноевропейских и отечественных учёных-востоковедов XX в. рассматривается ныне как одна из ветвей мирового историко-философского процесса и в качестве академической дисциплины изучается на философских факультетах целого ряда университетов стран Старого и Нового света.

Однако ещё совсем недавно (по историческим меркам) среди историков философии, непосредственно не связанных с изучением духовного наследия Востока, настойчиво высказывались методологические сомнения в правомочности применения понятия «философия» к буддийской мыслительной традиции. Их суть сводилась к тому, что буддийская теоретическая мысль возникла и развивалась в русле религиозной доктрины, а там, где господствует религиозная идеология, нет и не может быть места свободному философскому исследованию. Контраргументация, направленная против отождествления буддийской мыслительной традиции в качестве философии, базировалась на том историко-культурном факте, что философия как особая форма духовной деятельности общества получила известность благодаря письменным памятникам средиземноморской античности — творениям древнегреческих мыслителей. Обращаясь же к письменному наследию древней и раннесредневековой Индии, исторической родины буддийской мыслительной традиции, невозможно обнаружить ни семантического аналога греческого термина «философия», ни содержательного эквивалента известного аристотелевского определения «любви к мудрости».

Возражения подобного рода высказывались даже тогда, когда уже были опубликованы на английском языке фундаментальные монографии академика Ф.И. Щербатского (1866—1942), посвящённые теории познания и науке логики в буддийской философии. Работая над созданием своего двухтомного труда «Буддийская логика» (Stcherbatsky, 1930—1932), Ф.И. Щербатский пытался заинтересовать профессиональных историков философии проблематикой индийской и, в частности, буддийской мыслительной традиции. Но ни А.Ф. Лосев (см.: Лосев, 1985, с. 220—221), ни Б. Рассел (публикацию письма Б. Рассела Ф.И. Щербатскому от 18 июля 1925 г. см.: Васильков, 1989, с. 210), к которым он обращался, не проявили к ней сколько-нибудь заметного интереса.

Разумеется, в то время немалую роль в нежелании профессиональных историков философии обращаться к изучению буддийской мыслительной традиции играл европоцентризм как методологический подход к анализу явлений культуры. Но значительно более серьёзным фактором являлась слабая известность базовых концепций буддийской философии. Тогда ещё только начиналась

публикация фундаментальных трактатов, созданных буддийскими мыслителями раннесредневековой Индии.

Огромную роль в продвижении этого процесса сыграл инициированный Ф.И. Щербатским в 1917 г. международный проект по вводу в научный оборот крупнейшего компендиума буддийской канонической мысли трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» (см.: Ермакова, 2012). В рамках данного проекта была, в частности, опубликована монография О.О. Розенберга (1888–1919), выдающегося ученика Ф.И. Щербатского, «Проблемы буддийской философии» (Розенберг, 1918).

Поскольку до 1900-х гг. в науке господствовало представление о приоритетной значимости изучения канонической традиции южного буддизма, преимущественное внимание отечественных собирателей буддийских рукописей уделялось приобретению палийских манускриптов, происходящих из Южной и Юго-Восточной Азии. Такие раритеты отложились в составе коллекций Индийского фонда. Палийская каноническая традиция представлена в Индийском фонде рукописями, содержащими извлечения из разделов Типитаки. К ним относятся разнообразные по жанрам и функциональному предназначению тексты, включённые в корпус Винаи: фрагменты Пратимоккха-сутты, регламентирующие жизнедеятельность членов буддийской общины (мирян, послушников и монашествующих), отдельные предписания для монахов и монахинь, сборники кодифицированных джатак — занимательных повествований о прошлых рождениях Будды, содержащие нравственный анализ типичных ситуаций повседневности. Важно отметить, что выдержки из текстов Сутта-питаки и Винаи присутствуют также в рукописях из Юго-Восточной Азии, содержащих руководства по изучению языка пали. Такие выдержки, нередко довольно обширные, сопровождаются грамматическим анализом и истолкованием специальной буддийской терминологии. Имеются также палийские манускрипты, содержащие извлечения из трактатов канонической Абхидхаммы.

Что касается фрагментов санскритской Трипитаки, которые начали поступать в Азиатский музей с 1890-х гг. из Центральной Азии, то их коллекционирование производилось не в Индийском, а в Центральноазиатском фонде Азиатского музея. Именно в его составе отложились и все прочие памятники индийской письменности, доставленные из Восточного Туркестана русскими научными экспедициями, в том числе рукописи, содержащие махаянские произведения и постканонические тексты Шправакаяны. В Центральноазиатском фонде хранится также обнаруженная в 1966 г. рукопись из Байрам-али, проливающая свет на процесс кодификации санскритской Винаи школы *сарвастивада* и свидетельствующая о том, что влияние этой школы уже во II в. н.э. распространилось из Кашмира далеко на запад, охватив район Мервского оазиса.

В индийском фонде, однако, отложился один из манускриптов, доставленный С.Ф. Ольденбургом из его Первой Туркестанской экспедиции. Это рукопись VII, 23, в которой содержатся три санскритских текста, записанных письмом

невари. Рукопись хорошей сохранности, формата 56 x 8,5 см. Она содержит завершающий фрагмент махаянской сутры *Buddhavatamsaka* (1 л.) с колофоном, пространный фрагмент произведения в форме наставительной беседы о качествах монаха и монахини (12 л.) без колофона и небольшую сутру махаянского направления без заглавия и колофона (3 л.), представляющую собой диалог Будды Бхагавана с бодхисаттвой Авикальпаправешей. Рукопись не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

В индийском фонде помимо этого манускрипта отложились 11 санскритских рукописей, относящихся к буддийской постканонической традиции. Из письменных памятников, тесно связанных с мировоззренческим комплексом популярного буддизма, в коллекции Индийского фонда имеются два манускрипта. Рукопись VII,66 — *Asokavadanamala*: «Гирлянда легенд о [царе] Ашоке»; гибридный санскрит, письмо деванагари; формат 43 x 13; 332 л. Рукопись хорошей сохранности. Использовалась в издании: Бонгард-Левин Г.М., Волкова О.Ф. Легенда о Кунале. М., 1963.

Этот сборник тесно примыкает к санскритской Винае и канонической традиции в целом. Жанр *авадана*, обычно интерпретируемый как «легенда», утвердился в буддийской словесности в период кодификации канонических текстов, о чём свидетельствуют «Ашока-авадана» и другие произведения этого жанра, включённые в состав палийской Винаи. Авадана — это нарративное произведение дидактической направленности, сюжет которого иллюстрирует в буддийском контексте концепцию «достойного действия» (*дана*), ведущего к обретению религиозной заслуги (пунья). В сюжетах буддийских авадан раскрывается нередко и трансцендентный смысл религиозной заслуги — благое кармическое следствие, вкушаемое в новом рождении. В данном аспекте допустимо, на наш взгляд, интерпретировать жанр *авадана* как «деяния», «Гирлянда легенд о [царе] Ашоке» является однако не только источником, характеризующим религиозно-нравственную сторону буддийского вероучения, но и собранием буддийских представлений о благой верховной власти, так как император Ашока (III в. до н.э.) вошёл в историю буддизма как царственный покровитель Дхармы.

Рукопись VIII,18 — *Buddhacaritra*: жизнеописание Будды, составленное мыслителем махаянского направления Ашвагхошей (III вв.); классический санскрит, письмо деванагари; форма 17 x 22,5; 11 л. Рукопись хорошей сохранности. Не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

Это произведение, хотя и несущее в себе приметы махаянской интерпретации жизнеописания Будды, также тесно ассоциировано с канонической традицией. Совокупным источником для его составления послужили не только сутры Махаяны, но и кодифицированные тексты Трипитаки — те проповеди из Сутрапитаки и наставления из состава Винаи, в которых упоминаются сведения о жизненном пути Будды, а также о его родственниках и учениках.

Трактат по буддийской науке логики в санскритских рукописях Индийского фонда представлены произведениями Дхармоттары, Шанкарасвамина, Харибхадры.

Рукопись II, 161 — *Nyāyabindutīka*: пословный автокомментарий Дхармоттары к учебнику логики «Ньяя-бинду»; формат 28 x 5,5; 60 лл. (отсутствуют л. 18, 27, 41, 43, 55); письмо невари; пальмовый лист.

Рукопись II, 152 — *Nyāyapraveśa*: трактат Шанкарасвамина, охарактеризующий промежуточный этап в развитии буддийской науки логики от Дигнаги до Дхармакирти, переведён на китайский и тибетский языки; формат 27,5 x 3; 20 лл.; письмо деванагари.

Рукопись IV, 8 — *Nyāyapraveśatīka*: пословный комментарий к «Ньяяправеше»; автор — Харибхадра; формат 21 x 34; 17 лл.; письмо деванагари. Рукопись представляет собой копию, выполненную в 1911 г. с рукописи Деканского колледжа.

К важнейшим источникам, раскрывающим концепцию буддийской логики с позиций оппонентов в философской полемике, относятся две санскритские рукописи из Индийского фонда:

рукопись VIII, 11 — *Dharmottaraṭippanaka*: контркомментарий к трактату Дхармоттары «Ньяябиндутика», составленный джайнским мыслителем Маллавадином (VIII в.); формат 21 x 18; 111 лл.; письмо деванагари; копия с рукописи храма Парашванатхи в Джайсалмере;

рукопись II, 151 — *Nyāyapraveśarañjikā*: контркомментарий к «Ньяяправеше», составленный в жанре проблемно-тематической системной контраргументации мыслителем брахманистской школы ньяя-вайшешика Паршвадевагамином; формат 29 x 12; 37 лл.; письмо деванагари.

Наследие Камалашилы представлено двумя произведениями:

рукопись VIII, 10 — *Tattvasaṅgrahaṅjikā*: комментарий к трактату Шантираکشиты «*Tattvasaṅgraha*», разделы 15; формат 21 x 18; 1524 лл.; письмо деванагари;

рукопись VII, 23 — *Bhāvanākrama*: Трактат о созерцании; формат 46 x 8,5; 88 лл. (без пагинации); письмо невари; рукопись доставлена С.Ф. Ольденбургом из Восточного Туркестана; использовалась в издании: Камалашила. Бхаванакрама (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. М.; 1963.

Обзор санскритских рукописей из буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН показывает, что они составляют в численном отношении небольшую совокупность и содержат произведения постканонической традиции. Такая комплектация коллекции обуславливалась временем её формирования, завершившегося в 1910-х гг., когда приоритетной областью буддологических исследований считались палийские канонические источники. Фрагменты санскритских канонических произведений, неcodифицированные буддийские тексты направления Шравакаяны (северная хинаяна) и ранние махаянские сутры индийской

письменности, обнаруженные в Центральной Азии (Восточный Туркестан), не были включены в состав Индийского фонда ввиду географического ареала происхождения рукописей и отложились в Центральноазиатском фонде Азиатского музея ИВР РАН.

Литература

Васильков Я.В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск четвёртый. М., 1989. С. 178–223.

Воробьева-Десятовская М.И. Санскритская Трипитака в свете палеографических исследований 1920-х–2000-х гг. // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012. С. 78–96.

Ермакова Т.В. Японские учёные — участники научно-издательских проектов санкт-петербургской буддологической школы // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012. С. 20–44.

Лосев А.Ф. В поисках смысла. (Беседа с Виктором Ерофеевым) // Вопросы литературы. 1985. № 10. С. 220–221.

Миронов Н.Д. Каталог индийских рукописей // Каталоги Азиатского музея Императорской академии наук. Вып. 1. СПб., 1914.

Миронов Н.Д. Каталог индийских рукописей Российской Публичной библиотеки. Вып. I. Пг., 1918.

Щербатской Ф.И. Труды по буддизму. М., 1988.

Lenz R. Bericht über eine im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburger deponierte Sammlung Sanskrit-Manuscripte / St.-Petersburger Zeitung, 1833, № 219–223.

Stcherbatsky Th. Buddhist Logic. Vol. 12. Leningrad, 1930–1932.

Summary

E.P. Ostrovskaya

Buddhist Manuscript Heritage from the North and North-West India in Indian Collection of IOM RAS

The topic of the article is the history of collecting and perspectives of study of the Buddhist manuscripts kept in the Indian part of collection of IOM RAS. The structure of written heritage of Northern Buddhism is shown in correlation with specific features of Buddhist manuscripts kept in IOM RAS. Special attention is paid to the Sanskrit part of the collection. The article demonstrates the main problems and perspectives of study of the Buddhist manuscripts in the context of contemporary research trends.

Key words: Buddhism, Buddhist manuscripts, India, Indian collection of IOM RAS.